

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХА

Источник: Сигизмунд Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1990.

OCR - Александр Продан, alexpro@enteh.com

...И гений - парадоксов друг.

А. Пушкин

У Сигизмунда Кржижановского есть теоретическая работа "искусство эпитафия (Пушкин)", впервые напечатанная через полвека с лишком после написания ("Литературная учеба", № 3, 1989). Мне выпало готовить ее к публикации. Теперь пробую поверить теорию практикой - действую "по Кржижановскому".

Его проза - будучи с должной полнотой издана, прочитана, исследована - скорее всего окажется под угрозой быть растащенной на эпитафии и цитаты. Такова манера его работы со словом и фразой, обнаруживающими под пером стремление спружиниться в афоризм и формулу. Таков же стиль фиксации мысли, остановки мгновения ее летучей жизни в "Записных тетрадах".

Раскрываю наудачу: "Признания непризнанного". Или: "Раз ты несчастен - значит, ты человек". Еще попытка: "Если вы пришли к занятому человечеству, делайте вашу жизнь и уходите". Все это годится, чтобы предварить размышления о писательской судьбе Кржижановского. Устоять перед таким эпитафийным соблазном трудно, знаю по себе - подпадал. Разве что с помощью пушкинской строки. Тем более что "Искусство эпитафия" - лишь часть пушкинианы Кржижановского, а парадоксальность его сознания и бытия - при поверхностном даже взгляде - недискуссионна.

"Я выбрал: лучше сознательно не быть, чем быть, но не сознавать". Так жестко, бескомпромиссно обозначил Кржижановский свое отношение к литературной ситуации тридцатых годов. Здесь не было позы, такого "смирения паче гордости" - реакции на неизданность и непризнанность, весьма обыкновенной для переоценивающих свои возможности людей. Запись сделана не напоказ - для себя, в пору, когда выбор у Кржижановского действительно был, когда еще не выветрилась, не позабылась его известность, даже популярность в московских - и не только московских - литературных "ругах".

Он читал свои новеллы в Камерном театре у Александра Таирова и в варьете "Кривой Джимми", располагавшемся близ Страстной площади (ныне там Учебный театр ГИТИСа), в доме вдовы Брюсова Иоанны Матвеевны на Первой Мещанской, и в квартире Льва Каменева, на знаменитых "Никитинских субботниках", и в Коктебеле у Волошина. Андрей Белый слушал его чтение у П. Н. Зайцева, бывшего секретаря Московского религиозно-философского общества. Александр Грин в 1925 году прочитал в журнале "Россия" его документальную историко-философскую повесть в письмах "Штемпель: Москва", выделил, запомнил незнакомое имя, а через год, встретив Кржижановского в Крыму, обрадовался и пригласил к себе. Этот "сочинитель новелл" появляется на страницах "Театрального романа", с автором которого, по свидетельству С. А. Макашина, был издавна и дружески связан. Как и с Ольгой Форш, Сергеем Мстиславским, Евгением Ланном, Михаилом Левиным, Евгением Лундбергом, Георгием Шенгели, Павлом Антокольским...

По его сценариям Яков Протазанов поставил "Праздник святого Йоргена", а Александр Птушко - первый отечественный художественный мультфильм "Новый Гулливер". На сцене Камерного театра при аншлагах шла в 1924 году пьеса "Человек, который был Четвергом", написанная Кржижановским "по схеме Честертона".

Пускай успех не был оглушительным, но, безусловно, достаточным, чтобы опереться, удержаться, занять устойчивое место в литературе. И уж как минимум - избежать забвения. Не удалось. Мастер парадокса оказался бессилем перед парадоксом собственной судьбы.

"За Вас всегда тревожно, - писал к нему Лундберг, - такой уж Вы уродились. И "за ручку" Вас не проведешь, и "без ручки" Вы не очень-то хорошо ходите. Правда, нужно отдать Вам справедливость: сбиваетесь Вы с пути и проваливаетесь не от недостатка сил или подслеповатости, а от более почтенных свойств Вашей натуры (по Пушкину: "И мимо всех условий света // Стремится до потери сил..."), более опасных, чем близорукость..."

Произведений, которые на долгие годы оказались вне читательской досягаемости, в нашей литературе, увы, множество. Публикации последних лет быстро утратили налет исключительности и еще не дали полного представления о размерах подводной части айсберга. Прозвучавшие было поначалу скептические пророчества, что "запасы" эти вскоре иссякнут, пока не оправдываются. Однако даже и на